

1581—1981
400-летию вхождения Сибири
в состав государства Российского
посвящается

Российское могущество прирастать будет
Сибирью и Северным океаном.

М. В. Ломоносов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIV

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

Е. И. Гневушева

СТРОИТЕЛЬ СУРАБАЙСКОГО ПОРТА

27 июля 1922 г. от пристани и порта Сурабая, лежащего на северном побережье Явы, отошел пароход. Дольше всех махали платками, кричали слова прощального привета и добрых пожеланий человек десять европейцев, провожавших своего соотечественника. Он, в белом костюме, который принято носить в тропиках, также дольше всех стоял у борта, стараясь, как впоследствии он сам написал, «напоследок насмотреться на милые... лица». Но вот уже с корабля не стало видно ни людей, ни зданий, ни береговой линии. Судно увеличивало ход. Европейец спустился в каюту и весь отдался мыслям о только что прошедших событиях. Он думал о своем отъезде, о беседах с друзьями здесь, на пароходе... И в тетради, специально заведенной для дневниковых записей, постарался воспроизвести то последнее, что видел:

«Перед нами расстилался искусственный солидный ковш Сурабайского порта. Невдалеке скрежетала землечерпалка, углубляющая дно ковша. Дальше виднелись фермы нового сухого дока для постройки железобетонных кессонов, налево — склады, и около них много барок и мелких пароходов, а направо виднелась линия установок кессонов (будущая линия причала океанских пароходов), а дальше — цистерны, магазины, временные домики для персонала предприятий и различных предприятий или по сооружению порта или же складов и контор.

Окинув взглядом всю эту картину, мне сделалось как-то странно. Два с половиной года я, работая здесь как инженер, составил множество проектов по сооружению дорог, мостов, водоспусков, водопроводной сети и канализации, а также заново переделал, совершенно изменив расположением старый план предполагавшегося города. Теперь, согласно моему плану, намечены, разбиты, а частью уже сделаны дороги и улицы городка» [3, 27 июля].

Итак, яванские берега покидал строитель Сурабайского порта. Это был русский — Иван Терентьевич Благов. Нелегкая судьба забросила его на далекую Яву, а обстоятельства, неужи-

данные и странные, заставили его покинуть остров. Здесь оставались его друзья, с которыми, впрочем, он надеялся свидеться. Здесь он похоронил дорогую ему женщину. К ней он обращался в дневнике со словами тоски, сознавая, что никогда больше не увидит ее могилу, которую никто и никогда не украсит цветами...

На Яву Иван Терентьевич попал неожиданно для самого себя. Революция создавала сложную обстановку в нашей стране, и инженеру Благову приходилось, подобно пловцу, выбираться из водоворота событий и оказываться иногда на незнакомом берегу. Так он очутился на Яве. После трёхлетнего пребывания в стране под экватором он возвращался домой. За кормой шумел океан, морская гладь казалась бесконечной. Иван Терентьевич, сидя в каюте, записывал в дневнике воспоминания, чтобы не стерлись они из памяти. Ему было что вспомнить.

* * *

Иван Терентьевич Благов родился 1 апреля 1881 г. в Оренбургской губернии, в селении, которое называлось Белорецкий завод. Здесь со второй половины XVIII в. производили железо, с того времени, когда предприниматели И. П. Бердышев и И. С. Мясников построили доменный и передельный заводы на земле, которую купили у башкир, отдав 300 рублей за 179 тыс. десятин (десятина обошлась дельцам меньше копейки). На заводах работали крепостные крестьяне, купленные в центральных губерниях России. Каково было положение этих первых поколений рабочих, говорить не приходится. Во времена восстания Пугачева все они на стороне восставших. По словам историка Белорецка, «в 1774 г. завод на короткое время стал центром сосредоточения сил восставших» [6, с. 7]. Белорецких жителей победители пытали и вешали наравне с другими пугачевцами.

Чугун белорецкого завода и изделия из него считались самыми дешевыми на Южном Урале — это было следствием чудовищной эксплуатации и после отмены крепостного права. В годы юности Ивана Терентьевича рабочие вынуждены были арендовать у владельцев завода землю, держать скот. Многие работали летом дома, зимой — на заводе. Может быть, поэтому Иван Терентьевич считал своего отца крестьянином и всюду писал, что он сын крестьянина.

Белорецкий завод входил в состав Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Места, где провел свои детские и юношеские годы Иван Терентьевич, были живописны. В конце XIX в. в Белорецком заводе насчитывалось около 15 тыс. жителей и по количеству населения он стоял на первом месте после Верхнеуральска [6, с. 12]. В нем было все, что положено было иметь крупному населенному пункту. В центре — большая площадь с высокой каланчой и церковью, три начальные шко-

лы, была даже больница на 12 коек, чайная, в которой еженедельно устраивались народные чтения. Одноэтажные и двухэтажные домики окружали огороды и такие деревья, как рябина и береза: фруктовые деревья здесь не росли. Громадные базары шумели раз в неделю, и раз в год собиралась ярмарка.

Окончив начальную школу, Иван Терентьевич жил в семье отца, работал в хозяйстве и на заводе. Он пристрастился к чтению. Его отец был грамотным и даже выпускал газету, но брал сына за то, что тот читал ночью: керосин переводил. В Белорецке Ивана Терентьевича звали «Ванька-звездочет». У него было стремление «выйти в люди», но в Белорецком заводе не было возможности получить образование или перспективную работу. В 1901 г. Иван Терентьевич, двадцати лет от роду, покидает родные места. Он добрался до Самары и некоторое время работал на пристани рабочим и грузчиком, а затем подался на строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Там он работал землекопом и плотником. В 1904 г. он уже работает на Мургабской оросительной системе. Эта работа его увлекла.

И вот какой эпизод привлек внимание начальства. Рабочие, в большинстве неграмотные, когда получали заработную плату, вместо росписи ставили крест, а Иван Терентьевич расписывался красивым почерком. В Мургабе работало очень много студентов-практикантов. Они, выражаясь нашим языком, взяли кад Иваном Терентьевичем шефство, снабжали его специальной литературой, растолковывали непонятное. Но он и сам был увлечен работой, перенимал опыт старших, стремился усовершенствовать свои знания. Способного и старательного молодого рабочего замечает начальство. Ему начинают поручать работы, требовавшие квалифицированных знаний. С 1905 по 1912 г. он поднимается со ступени на ступень: нивелировщик, техник, старший техник и, наконец, заведующий ирригационной системой, т. е. выполняет функции инженера. В 1912 г. Отдел земельных улучшений приглашает его строить показательную ирригационную сеть в районе Пишпека (ныне Фрунзе).

Никогда не пришлось Ивану Терентьевичу слушать лекции в институтских аудиториях, заниматься в библиотеках. Ему не довелось быть ни гимназистом, ни студентом. Его жизненный успех определялся огромным трудом. Организованность, аккуратность, умение с наибольшей рациональностью распорядиться своим временем — вот те черты характера Ивана Терентьевича, которые остались в памяти его дочери. Он занимался самостоятельно, приобретал новые знания, совершенствовал старые, не прекращая работать. Но подтвердить свои знания соответствующими документами было необходимо, и в 1913—1914 гг. он экстерном держит экзамены за Первые Московские строительные курсы. Очевидно, это давало ему официальное право быть техником-гидростроителем. Профессиональная подготовка

И. Т. Благова была настолько основательна, что ему не стоило большого труда сдать экстерном экзамены за курс Института гражданских инженеров в 1915 г. в Петрограде. И так, у него в руках диплом инженера. Вспоминая о времени своего «ученичества», И. Т. Благов писал дочери в 1923 г.: «Когда я, не вынеся затхлости „нашего родного болота“, уехал в чужие края, мне пророчествовали, что я и с голоду помру, и в босяках буду. Но прошли годы, и я шел все вперед и вперед. Теперь я получил лучшее образование. Учусь и сейчас» [5]. Эти строки лишний раз дают нам возможность представить Ивана Терентьевича как человека целеустремленного, настойчивого, с огромной силой воли, не останавливающегося на достигнутом. Как подлинный интеллигент, он всю жизнь стремился овладеть новыми знаниями.

Но время было военное, и инженера Благова в этом же, 1915 г. направляют начальником гидротехнического отряда на Западный фронт, в 1916 г. его перебрасывают на турецкий фронт, в г. Трапезунд (Трабзон). Здесь застала его февральская революция. Последующие события своей жизни он излагает в автобиографии лаконично: «Ушел с фронта при Керенском». В 1917 г. И. Т. Благов во Владивостоке, где в августе была установлена Советская власть. Но уже в апреле 1918 г. В. И. Ленин получил известие о высадке японских и английских войск во Владивостоке [7, с. 67]. Интервенты решили использовать чехословацкий корпус, участвовавший в войне против Германии и находившийся по пути во Владивосток для отправки на родину. Чехословацкий корпус оказался главной ударной силой в борьбе с Советами на Дальнем Востоке. В июне 1918 г. Советская власть во Владивостоке была свергнута. Интервенция и контрреволюция временно победили. Вот какую картину рисует участник событий: «Здание Совета во Владивостоке выглядело как поверженная крепость. Окна были разбиты, а с крыши свисали флаги: американский, английский, канадский, японский, китайский и трехцветный русский. Эти флаги как бы символизировали трогательное единение международной контрреволюции и ее временную победу над местной советской властью. Все перекрестки были заняты японскими, американскими и английскими патрулями... Появились на улицах Владивостока и бравые „истинно русские“ генералы. Густо запахло монархией» [7, с. 81—82]. Начались аресты. Было арестовано все большевистское и советское руководство и все лица, которые работали в советских органах власти. Был арестован и И. Т. Благов, который в то время работал инженером в местном Горкомхозе. Об этом времени он вспоминал: «1918 г.— арестован вместе с тов. Никифоровым чехословацким командованием». Вскоре часть арестованных, среди которых был и И. Т. Благов, освободили, но очень быстро начались новые аресты всех, работавших с Никифоровым. И тогда И. Т. Благов решает эмигрировать в

Китай, по-видимому чтобы переждать это тревожное время. Неизвестно, один он переправился на ту сторону Амура или с группой друзей. В Китае он не задержался. Каковы были обстоятельства, которые заставили его двинуться дальше, неизвестно, но в 1919 г. он оказался на Яве, в крупнейшем портовом городе архипелага — Сурабае. Ни сбережений, ни драгоценностей у Ивана Терентьевича не было. Где бы он ни был, он должен был зарабатывать на жизнь трудом. Во время своих странствий он, по его же словам, «работал на случайных работах». В Сурабае И. Т. Благоев — сперва инженер по строительству фабрики для производства кокосового масла, а затем инженер по гидротехническим сооружениям в Портовом управлении Нидерландской Индии. Но для того чтобы занять эту должность, ему пришлось держать экзамен в Высшей технической школе в Сурабае и таким образом подтвердить свой русский диплом. После этого он был избран членом Научно-технического комитета по гидротехнической секции.

Находясь на Яве, инженер Благоев выполнил следующие проектные работы: гидросооружения на р. Кали-Брантас для ликвидации последствий извержения вулкана Келуд; проект портового города Танджонг-приок в Сурабае; таможную с механизированным транспортом в Сурабае; главные мастерские в Сурабайском порту. Он перечисляет и выполненные по его проектам строительные объекты: мосты, канализацию и водопровод портового города в Сурабае; различного вида морские портовые сооружения в Сурабае и на реках Нидерландской Индии; сантехнические и железобетонные работы на фабрике кокосового масла в Сурабае. Одно перечисление только строительных работ, выполненных И. Т. Благоевым, характеризует его как талантливого, энергичного инженера.

* * *

Более трех лет И. Т. Благоев жил на Яве. Это был совершенно новый для него мир.

Индонезия называлась тогда Нидерландской Индией и была владением Нидерландов. Связи колонии с Европой, прерванные первой мировой войной, к 1919 г., времени, когда туда попал И. Т. Благоев, были восстановлены. Экономика страны бурно развивалась, поэтому эмигранты быстро находили себе работу. От пребывания И. Т. Благоева в стране под экватором остались три альбома фотографий и дневник, который он вел, возвращаясь на родину — от Сурабаи до Порт-Саида. По манере, в какой записаны тексты дневника, можно с уверенностью сказать, что у автора была привычка поверять свои мысли бумаге. Остается только пожалеть, что яванские дневники инженера не сохранились. Под фотографиями в альбомах в большинстве случаев нет подписей, но люди, знающие страну, могут в об-

щих чертах определить: это Ява, это Суматра, это Новая Гвинея. Попытаемся и мы по этим альбомам установить, что интересовало нашего соотечественника, что его удивляло, что он хотел запечатлеть и долго помнить.

Открываем первый, самый большой альбом. Прежде всего мы видим непривычные русскому глазу, уступами расположенные рисовые поля на Яве. Крестьянин вспахивает жидкую до консистенции грязи землю. Деревья с хижинами, стоящими на сваях или построеными прямо на земле. А вот сгрудившиеся на берегу реки лодки и плоты, на которых возведены легкие хижины — здесь тоже живут, рождаются и умирают люди: это их постоянное жилье. Повседневный труд индонезийцев: они вспахивают рисовые поля, занимаются рыбной ловлей. Привлекают внимание их оригинальная лодка и не менее самобытные орудия ловли. Они ткут циновки и грубые ткани на примитивных станках, которые хочется назвать «приспособлениями». Наипростейшими орудиями, в основном ножами, они создают из дерева удивительные скульптуры, вырезают из кожи и раскрашивают фигурки для народного театра марионеток — ваянга. Женщины заняты изготовлением батика.

Облик тропической страны, какой она была в 1919—1922 гг., воссоздается по фотографиям, собранным И. Т. Благовым. Вскипает океанский прибой у берега острова. Богатая растительность неизвестных видов (узнается только кокосовая пальма да банан) покрывает остров. Конус вулкана — неотъемлемая часть ландшафта. По гористым склонам гремят ручьи, низвергаются водопады. Джунгли сплошной стеной спускаются к неширокой, спокойной реке. Узкие, длинные лодки (прау) с высокой кормой скользят по речной глади. Дороги кажутся бесконечными аллеями: их стороны обступают пальмы. Чудо-дерево баньян, которое одно может составить целую рощу, запечатлено неоднократно. Железная дорога и мчащийся сквозь джунгли поезд кажутся чуть ли не единственными свидетельствами европейской цивилизации. Мужчины и женщины больше трудятся, чем отдыхают. Только на одном из фотоснимков мы видим людей в нарядных национальных костюмах: это свадебная процессия. Отдельно позирует перед фотографом юный представитель княжеского дома в традиционном облачении яванского аристократа, в сверкающих ожерельях и браслетах и блестящем головном уборе.

Изображений городов и городской жизни мало. Джакартский порт, где стоят у причалов преимущественно парусные суда; резиденция генерал-губернатора (скорее вилла, чем дворец, в нашем представлении); стоянка автомобилей; улица в Сурабае и улица в Бандунге — с двухэтажными домами, крытыми черепицей, могучими деревьями, выглядывающими из-за домов и стоящими вдоль тротуаров. На улицах больше лошадей в упряжках, чем автомобилей.

И. Т. Благов не фотографировал голландцев. Глядя на сделанные им фотографии, можно подумать, что в этой стране живут только ее коренные обитатели. И лишь зная, что на Яве можно встретить европейцев, в ряде фотоиллюстраций городской жизни угадываешь их в людях, облаченных в белые костюмы.

Во втором альбоме запечатлены памятники индонезийской архитектуры: буддийский храм IX в. Боробудур, многочисленные изображения его фрагментов и барельефов; храмы Промбонана и живописные руины древних сооружений. Примечательно, что среди изображений храмов, скульптур богов, фрагментов каменной резьбы И. Т. Благов помещает картины природы: то это огромное, кажущееся нам фантастическим дерево, то тихое поэтичнейшее озеро, почти сплошь покрытое цветами лотоса, в окружении сказочной растительности на берегах; то извергающий лаву вулкан, а то вулкан, уже отгремевший и застывший в мрачном величии, распространивший вокруг себя пустыню смерти. По-видимому, такое расположение фотографий в альбоме не случайно: оно дополняет впечатление от созерцания грандиозных архитектурных монументов.

Третий альбом посвящен Новой Гвинее. В нем собраны фотографии папуасов, их хижин, селений, лодок, возвращающихся с удачной охоты мужчин. Этнографа несомненно интересуют те снимки, на которых изображены новогвинейские тотемы. В конце альбома помещено несколько фотографий, на которых легко угадываешь прекрасных женщин с о-ва Бали, запечатлена бытовая сценка в балийской деревне. А дальше вне всякой связи с основной темой альбома — виды с острова Цейлона, индийская женщина, японская казнь в Маньчжурии... Просты были фотографии, сами по себе интересные, их наклеили, чтобы они не затерялись.

* * *

И. Т. Благов очень интересовался всем, что его окружало в этой стране, и прежде всего яркой, необыкновенной для северянина природой. Он побывал в достопримечательных местах Явы, в ботаническом саду в Бейтензорге (Богоре). На пути домой, посетив музей в Сингапуре, он сравнивает его с бейтензоргским, и это сравнение оказывается не в пользу сингапурского музея [3, 1 августа]. Он удивлялся равнодушию голландцев к природе Явы, ко всему, что прямо не касалось их благосостояния, сохранения здоровья и увеличения доходов. «В гавани Сурабая нас было около десяти инженеров,— вспоминал Благов.— Некоторые и родились здесь. Но из всех из нас на интереснейшем вулкане Бромо был два раза только один. Это я. „Зачем нам смотреть... Это ведь нас не касается“,— отвечают голландцы, когда пристаешь к ним с вопросами или начнешь упрекать в

нелюбознательности. Тяжелый народ», — заключал И. Т. Благов [3, 28 июля]. Он всюду искал национальный колорит и стремился как можно больше видеть то, что отражало культуру Востока. Он был разочарован видом Пенанга: «Я ожидал увидеть индийский город, с индусами, пагодами и проч. [3, 12 августа], а увидел город европейский — такой, какой англичане строили на Востоке и приспособливали к своим привычкам». И. Т. Благов прекрасно понимал, что страны Востока богаты природными ресурсами, а бедны в результате колониального состояния. В дневнике, когда корабль проплывал мимо берегов Индии, он сделал запись «А сколько же в ней чудес, богатств и ужасной нищеты!» [3, 7 августа]. То же можно было сказать и о Нидерландской Индии, и о всех странах, где хозяйничали европейские колонизаторы.

На Яве он общался главным образом со своими коллегами, а это были голландцы. Яванцев он знал как рабочих, которые рыли котлованы, каналы, выполняли трудоемкую, черную, т. е. неквалифицированную и всегда плохо оплачиваемую работу. Это были сплошь неграмотные люди, терпеливые, невзыскательные, довольствующиеся очень немногим и привыкшие к подчинению. Они все были во власти странных суеверий и плохо понимаемых европейцами предрассудков. Конечно, это был народ, культурное развитие которого искусственно задерживалось. Именно в смысле отсталости и забитости надо понимать слово «дикари», которое нет-нет вписывает в свой дневник И. Т. Благов.

Русский инженер безусловно уважал народ, создавший шедевры архитектуры, изображения которых он не только тщательно собирал, но и в стремлении увидеть их собственными глазами никогда не жалел времени.

Он восхищался индонезийским языком: «Своей простотой, легкостью и, пожалуй, красотой он (индонезийский язык. — Е. Г.) завоевал себе место в Индийском океане и долго не уступит никому другому своего места» [3, 12 августа]. Не всегда понимая отдельные проявления чуждой ему культуры, И. Т. Благов проявлял такт по отношению к ее носителям и возмущался отсутствием такта у другого. Например, в Сингапуре он побывал в буддийском храме во время богослужения вместе со своим случайным спутником-итальянцем; «к великому моему несчастью, — записал он в дневнике, — этот сеньор оказался настолько глуп, что при виде места и различных изображений Будды начал хихикать. Я поспешил уйти, чтобы не обидеть монахов, и увел итальянца» [3, 3 августа]. В следующий раз осматривать буддийский храм он отправился один.

И. Т. Благов остро чувствовал пренебрежение колонизаторов к культуре Востока. В библиотеке парохода попалась ему толстая книга на английском языке об Индокитае. «Там помещена тысяча прекрасных фотографий, но поразительно неин-

тересных, так как почти все фотографии изображали банки, гостиницы и тому подобные европейские предприятия» [3, 28 июля]. И тут же замечает: «Точно сам Китай со своей культурой чуть ли не двадцати тысяч лет ничего не имеет».

На Яве можно было видеть европейцев не только голландцев: Нидерландская Индия была открыта для предпринимательской деятельности подданных и других стран. Более всего здесь было англичан. Недаром Англию называли совладелецей главной колонии Нидерландов.

На пароходе много было англичан, французов (группа солдат и офицеров, несколько миссионеров), а также итальянцев. По наблюдению И. Т. Благова, в большинстве своем все они были «мелкие дельцы, держатели кино и ресторанов». Бросалась в глаза бесцеремонность англичан, их привычка чувствовать себя всюду хозяевами, что очень раздражало русского инженера.

Некоторые черты колониальной политики голландцев можно уловить, читая дневник И. Т. Благова. Так, колонизаторы желали внедрить в сознание угнетаемого народа представление о Голландии как о могучей державе, а о голландце — как о человеке богатом, по своему развитию во много раз превосходящем индонезийца. Поэтому въезд в Индонезию неимущим голландцам был запрещен. Голландцы в колонии — это были хорошо оплачиваемые чиновники колониального аппарата управления, предприниматели и плантаторы. «На Яве всякий белый — обязательно барин (туван), а прислуга, рабочие и десятичники — это туземцы... Там всякий белый, будь он распоследний холуй, пользуется видимым почетом, конечно, для назидания черным, так как все черные обязаны думать, что всякий белый благороден и знатен» [3, 7 августа]. Прожившему три года на Яве И. Т. Благову было, по его словам, «ужасно странно пользоваться услугами белого», что случилось уже на корабле. В Порт-Саиде ему было также непривычно то и дело видеть на улицах белых слуг и белых оборванцев [3, 28 августа].

Из иностранных дельцов, торговцев, предпринимателей всех видов внимание И. Т. Благова привлекли китайцы и арабы. Коломбо был для Благова первым восточным городом, где не было китайцев. Богачи и труженики — вот две резко очерченные Благовым категории китайцев на Востоке. Сравнивая китайского делового человека с бизнесменом — арабом или индусом, И. Т. Благов отдает предпочтение китайцу. И вот почему: «Китаец крепок, уверен, спокойно деловит и знает, что весь мир считает его за честнейшего дельца. Денежное дело принадлежит исключительно китайцам. Все банковские служащие, кассиры всего Востока — китайцы. Даже в Японии вы не встретите ни одного кассира-японца, обязательно китаец. Самые богатые люди Востока — это тоже китайцы. Например, на Яве сливки снимают вовсе не голландцы, а китайцы, арабы или

бимбеи»¹ [3, 1 августа]. Высоко ставил Благов китайскую интеллигенцию: «Я заметил, что самые воспитанные, приличные и знающие много языков,— это китайцы. Они соперничают с англичанами в выдержке и также превосходят всех в знании иностранных наречий» [3, 21 августа]. Китайские ремесленники восхищали его добросовестностью и мастерством. «К китайской же нации принадлежат несчастные рикши». Благов их труд называл «ужасным». Он осматривал ноги рикш, тщательно их описал и пришел к выводу, что к 25 годам должен кончаться срок работы рикши.

В Сингапуре И. Т. Благов жил неделю, поджидая пароход, который должен был доставить его в Европу. Он бродил по городу, любясь его многоязычной толпой, заходил в храмы и посещал музеи. Обращает на себя внимание его фраза: «Внутренней жизни, к сожалению, не пришлось наблюдать» [3, 1 августа]. Это уже дает основание полагать, что там, где была возможность познакомиться с «внутренней жизнью» народа (а она была на Яве), он этой возможностью не пренебрегал. Снова приходится пожалеть об утрате яванских дневников инженера. Но даже и беглое описание Сингапура, сделанное И. Т. Благовым, достойно того, чтобы привести его здесь целиком: оно доносит до нас облик города, каким он был более полувека назад; можно понять и взгляды самого автора на сложившиеся отношения между людьми в колониальном обществе.

«Сингапур — город абсолютно экваториальный,— пишет И. Т. Благов.— Владеют им англичане. Порт Сингапура благодаря массе окружающих островков — естественный и хорошо защищен от бурь, хотя на экваторе бури очень редки. Англичане сделали очень длинную линию причала, так что океанские пароходы пристают к самому берегу. Туда же подходит и линия железной дороги». Глаза Благова — это глаза инженера. «Но я заметил,— читаем мы в дневнике,— что богатство технического оборудования значительно уступает Сурабайскому порту, с его огромным количеством кранов и колоссальной причальной линией. Но как бы то ни было, порт очень удобен» [3, 1 августа]. Инженер-гидростроитель, он, конечно, постарался осмотреть и главную водопроводную станцию города. «Это возвышающийся над городом холм. На нем два открытых бассейна (бетонные). Машина качает воду на эту природную водонапорную башню, а тропическое солнце делает свое дело — аэрирует воду. Хорошо и просто» [3, 2 августа]. В остальном чувствуется уже наблюдательный взгляд путешественника. «От порта к городу тянется залитая асфальтом улица. Дома этой улицы очень старые двухэтажные и сильно напоминают домишки на окраинах Москвы. Центр города великолепен, но не своими зданиями, а их расположением. Это огромный парк, с

¹ Бимбеи — индийцы, уроженцы г. Бомбея.

широкими аллеями, залитыми асфальтом, и где-то там, вдалеке, виднеются дома» [3, 7 августа]. «Хорошо живут англичане в Сингапуре,— замечает И. Т. Благов.— Богаты их виллы в садах... Почти каждый особняк имеет площадку для тенниса. Здесь также много различных клубов, и каждый клуб имеет просторное поле для спорта... Много площадок для бега с препятствиями и для футбола» [3, 3 августа].

Побывав в Ботаническом саду, И. Т. Благов восхищается площадкой для детских игр, но он «вовремя вспомнил», что она существует для детей состоятельных родителей, в основном для англичан. Да и любоваться красотами Ботанического сада можно было за высокую плату.

Все то, что окружало коренного жителя Сингапура, было не похоже на сферу жизни европейца. «Туземная часть города иная. Это широкие чистые улицы, без растительности. Дома те же двухэтажные, напоминающие немного глушь Москвы» (Москва в представлении Благова — большой провинциальный город, с замедленным ритмом жизни, где тишина и спокойствие «московских дворишков» еще не ушли в воспоминание, в картины художников, а существовали как реальность). Путешественник отмечал колоссальное движение и в туземных кварталах. «Все время снуют автомобили, автобусы, тысячи рикш и пешеходов различнейших наций (кроме европейцев). Ходит и трамвай, но какой? Представьте себе обоз, нагруженный кусками железа и мчащийся по булыжной мостовой. Лязг получится невероятный. Это вот и есть сингапурский трамвай. Вагончики старые и неудобные, но самое ужасное — их грохот и лязг» [3, 1 августа].

«Коренное население — индусы и малайцы. Малайцы по наружному виду те же, что и на Яве... Индусы (т. е. индийцы. — Е. Г.) — народ совсем другого вида. Черны, тонки, высоки ростом и красивы» [3, 1 августа]. Китайцев и арабов И. Т. Благов не считал коренным населением, хотя и тех и других видел во множестве на улицах Сингапура. Ритм жизни огромного портового города с его многонациональным населением сумел уловить и передать нам И. Т. Благов. Но кроме этого он увидел еще и другое. «По улицам снуют роскошные мотокары, мощные грузовики, трамвай, гудят электрические провода, на набережных десятки мощных кранов, у пристани колоссы-пароходы, и человеку, кажись, осталось только нажимать кнопки, держать руль, двигать рычаги, и машина все для него делает. Но кроме всего этого белого работника кто-то заставил держать в руке еще и кнут, чтоб подгонять двуногий рабочий скот, называемый кули» [3, 1 августа].

Особенно его поражало, что и рабочие пользуются услугами кули-рикш. «Два уставших работника едут на измученном работнике. И этот несчастный делает эту ужасную работу только для того, чтоб заработать горсть рису» [3, 1 августа].

Неделя жизни в Сингапуре была для И. Т. Блага тягостна, к тому же и жизнь была необыкновенно дорога («Семь дней жизни в Сингапуре стоят два месяца в Европе») [3, 3 августа], да и, по его признанию, «надоело без дела болтаться».

Останавливались в Пенанге на Суматре, где, как уже упоминалось, нашего путешественника ожидало разочарование: он не увидел здесь ничего своеобразного. «Пенанг то же, что и Сингапур: основан англичанами, богат, всюду асфальт, аллеи, скаковое поле, площадки для игр и густо населенной частью около порта с тысячами китайских торговых заведений и рикш» [3, 12 августа].

Коломбо очаровал обилием зелени, приятным климатом... «Красавец Коломбо» — иначе Благов его не называет. Любовался он и темнокожим населением города («рослые красивые индусы», «детки — красивые, смелые, улыбающиеся»). А вот Джибути (французское владение в Восточной Африке) показался Благову «дырой, чертовыми куличками, чем хотите, только не городом. После роскошных, красивых улиц — садов Сингапура, Батавии, Бандунга и особенно красавца Коломбо, Джибути — ссылка. На улицах — ни деревца, только у некоторых официальных зданий и около арабской мечети посажены пальмы и поливаются из ведер». Инженер сразу заметил, что «иригации нет, но водопровод имеется и на улицах имеются краны. Жара несносная. Пыль ужасная, так как улицы кое-как вымощены скверным мягким известковым кораллом, добытым из близлежащих коралловых рифов... Вышли в Красное море... с одинаковыми унылыми берегами Африки слева и Аравии справа... Жара ужасная».

В тех местах, где ему приходилось жить, всюду И. Т. Благов видел тягостное, бедственное положение коренного населения. В его дневнике мы читаем как бы итог его наблюдений: «Уж слишком тяжела и унижительна жизнь простого народа на Востоке, и нет у него никакой надежды в будущем, ни светлого штриха в прошлом. Только и надежда на чудо с небес» [3, 1 августа]. Население темное, неграмотное, невежественное, но оно каким-то путем узнало имя Ленина. По словам Блага; Ленин представляется темному населению Востока «посланником небес». Все-таки надежда на лучшее будущее у него была.

* * *

И. Т. Благов побывал в разных странах, много видел, и в его дневнике часты сравнения. Но чаще всего перед ним возник образ Родины. Вот он листает книгу о Швеции, и иллюстрации этой страны — «дикие горы, сосны, снег, водопады» — напоминают ему Урал. «Приятно смотреть», — с удовлетворением отмечает инженер. В Сингапуре перед его взором вдруг возникла Москва и «московское захолустье». Тропические моря не выдерживали сравнения с Черным и Каспийским морями. Ба-

зар в Джибути напоминал ему базары в Туркестане, но на родине, конечно, все лучше: «В Туркестане обязательны арыки, тополи и прекрасные фрукты».

И. Т. Благов тосковал по Родине. Для него было большой удачей, что, живя в Сурабае, он мог общаться с русскими, говорить на родном языке: и до Явы докатилась волна русской эмиграции. Одних судьба забросила туда случайно, и это были люди, преданные России и изыскивавшие возможность возвратиться на родину, уже советскую, другие были махровые контрреволюционеры, злобствующие, ненавидящие новый строй. Дневник И. Т. Благова не был предназначен для печати. Своих русских друзей он часто называет то по имени, то по фамилии. В Сурабае его провожали Борис Михайлович Шишкин с семьей; неунывающий, веселый, не всегда тактичный Алеша Милентьев; «тихий, скромный, строго политичный Шапиро». В Батавии пароход стоял восемь часов, и И. Т. Благов воспользовался этим временем, чтобы навестить русских знакомых — Галю Васильевну в ее квартире, других (их он называет по именам) по месту работы — на центральной телефонной станции. Его отъезду завидовали. Вспоминая, что Б. М. Шишкин при расставании имел очень грустный вид, И. Т. Благов записывает в дневнике: «Ах, как ему хотелось уехать отсюда, туда, на север, в холодную и голодную Россию, туда домой. Я понимаю его» [3, 27.VII].

Живя в Сурабае, наш соотечественник был подписчиком газеты «Шанхайская жизнь» и даже ее корреспондентом. Его корреспонденции помещали под рубрикой «Письма с Явы». В одном «письме» он рассказал о бывшем русском летчике Ю. А. Ковенко, химике по образованию, который вынашивал «очень интересный проект разработки богатейших в мире соляных отложений Карабугаза... Русская промышленность всегда нуждалась в этих материалах, а теперь тем более, и постройка соответствующего завода в низовьях Волги безусловно целесообразна», — писал автор статьи. И далее он продолжал: «Ю. А. Ковенко, по его словам, намеревался осуществить эту идею еще раньше, но война, а затем революция лишили его возможности осуществить эту идею. Теперь же Ковенко, следуя, очевидно, течению сменовеховцев и горя желанием вернуться на родину, решил свою идею передать нынешнему правительству России, и если возможно будет, то и самому принять участие в развитии этого дела» [8, 1.IX.1922]. Неизвестно, выполнил ли свое намерение Ковенко, но таких людей, которые стремились вернуться на родину и быть ей полезными, было много.

В другом «письме» И. Т. Благов рассказал о неведомой ему (да, пожалуй, и никому) старой русской писательнице, болтавшей вздор, в котором ненависть к Советской власти перемешивалась с презрением к русскому народу. И. Т. Благов возмущался тем, что «неразборчивая голландская печать дает

приют на своих страницах подобного рода „писательницам“». Он писал: «На страницах этих газет появляются длиннейшие статьи с заголовками: „Повествование известной русской писательницы о зверствах большевиков“, создается общественное мнение за границей, где рядовой обыватель ни уха ни рыла не смыслит в русских делах и всякие бредни выживших из ума старушенок и остервенелых белогвардейцев принимает на веру и за чистую монету» [8, 3.IX.1922]).

«Шанхайская жизнь» организовала сбор средств в фонд помощи голодающим в России. Прислал свои сбережения и И. Т. Благов, о чем газета сделала соответствующую публикацию, которая попала на глаза русским белогвардейцам и английскому консулу в Батавии. Последний потребовал от правительства Нидерландской Индии высылки И. Т. Благова. Это требование увенчалось успехом. Через некоторое время «Шанхайская жизнь» известила своих читателей: «Не так давно с Явы через Европу в Россию уехал инженер Благов, проживший на Яве (в Сурабае) три года. Инженер Благов служил по своей специальности в одной голландской фирме. Месяцев восемь тому назад г. Благов пожертвовал в пользу голодающих в России все свои сбережения, заключавшиеся в 7000 гульденов. По этому поводу русская белогвардейщина на Яве подняла вой, на Благова посыпались доносы, в результате которых голландцы отказали Благову в работе, „как уличенному (?) в сборе (?) и посылке 7000 гульденов для большевиков“» [8, № 61].

Вспомним, какое это было время. 1922 год. Советской стране удалось отбиться от прямых атак белогвардейцев и интервентов. Внутренняя контрреволюция затаилась. Буржуазные правительства еще не потеряли надежды тем или иным путем добиться свержения Советской власти. Первая в мире республика рабочих и крестьян была крайне слаба. И. Т. Благов был горд, что принадлежит стране, выдержавшей империалистическую и гражданскую войну, мужественно преодолевавшей голод и разруху. «Уж слишком мы русские,— писал Иван Терентьевич о себе и о своем друге, оставшемся на Яве,— чтоб променять нашу нужду на какие-либо блага вне нашей страдальницы-родины» [3, 27 июля]. Он не позволял никому оскорблять ни свою отчизну, ни свою национальность.

В Берлине, ожидая визы на въезд в Советскую Россию, И. Т. Благов не бездействовал. Не зная, как долго ему придется здесь задерживаться, он организовал издательство современной русской литературы. Известно, что в феврале — марте 1923 г. С. А. Есенин заключил с издательством И. Т. Благова договор на издание книги «Стихи скандалиста» [1, с. 74]. Эта книга со вступительным словом поэта вскоре вышла.

В 1924 г. И. Т. Благов был уже в Москве и работал в Народном комиссариате путей сообщения, но в следующем году был командирован в Туркмению как специалист по ирригации.

Там он жил и работал в качестве главного инженера строительства ирригационных сооружений до 1928 г., а затем был переведен в Москву.

В эти же годы в Москве жил Александр Андреевич Губер, будущий основоположник изучения стран Юго-Восточной Азии в нашей стране. В 1925 г. он окончил Московский институт востоковедения и решил посвятить себя изучению Индонезии. Он собирал источники и материалы по истории, экономике, культуре этой страны, разыскивал лиц, которым, по его мнению, улыбнулось счастье — они побывали в стране трех тысяч островов. Конечно, И. Т. Благов мог бы много рассказать интересного начинающему ученому, но, как часто в жизни бывает, они, живя в одном городе, никогда не встречались.

Свой опыт, свои глубокие знания И. Т. Благов щедро передавал молодым специалистам. Его перу принадлежат учебные пособия, статьи и книги. К ним до сих пор обращаются специалисты-гидростроители. Но одно сочинение, над которым он долго и с любовью работал, не было опубликовано. Это фантастический роман, названный им «В сто восьмом году». Рукопись напечатана на машинке и содержит 176 страниц. Автор ее берег (она переплетена) и неоднократно над ней работал: он исправлял ее то красными, то фиолетовыми чернилами, то черным карандашом.

Фантастический роман И. Т. Благова отражает те представления о будущем индустриальном обществе, которые были у нас распространены в 20—30-х годах. Автор нарисовал новое общество, которое существует на большей части нашей планеты в 108 году после Октябрьской революции. К этому времени капиталистические отношения сохранились только на Американском континенте, да и то на последних страницах романа они исчезают. Основная экономическая и социальная ячейка будущего общества — коммуна. Достижения во всех областях жизни ослепительны. Воды сибирских рек удалось направить по другим руслам — и пустыни и степи Востока стали цветущими и плодородными землями. «Великий сибирский канал несет в себе воды повернутых на запад сибирских рек. Он орошает все лежащие к югу поля до Сыр-Дарьи, Аральского моря и спускающиеся к Каспию степи. За сорок лет его работы мертвые пустыни превратились в цветущую, густо населенную житницу всего земного шара» [2, с. 28]. Быстрота передвижения сказочна: поезда ходят со скоростью 200 км в час, «есть самолеты с герметическими кабинами и скоростью в 2000 км в час» [2, с. 92]. Изобретена ракета. Межпланетные корабли и космические пилоты стали реальностью. Люди научились передавать на расстояние изображение. В помещении находится аппарат вроде современного телевизора: «Мелодия льется из рупора на стене, а на экране четко вырисовывается фигура левца» [2, с. 92]. Аппаратура для передачи изображений устанавливается

в любом месте земного шара, много таких точек разбросано у Ледовитого океана, у места обитания морских зверей. Впечатления от пребывания на Яве у И. Т. Благова были живы, и, рисуя отдаленное будущее, он пишет, что в зоологическом институте посредством этой совершенной аппаратуры можно увидеть действие «дивного вулкана» Бромона на Яве. Все будущее человечества зависит от достижений физики — такую мысль проводит автор через все произведение. Машина необыкновенно облегчила труд человека, она дала возможность сократить рабочий день до трех часов; на огромной обувной фабрике работают только два человека.

Но если достижения в области техники инженером И. Т. Благодным предвидены и логично выведены из направлений современной ему науки, то социальные изменения могут вызвать у нас лишь улыбку... Они — плод фантазии утописта. Люди гармонично развиты. Отношения между мужчиной и женщиной регламентированы. Семьи не существует. Дети воспитываются в детских домах, их в порядке опыта кормят какими-то новоизобретенными «зернами», которые стимулируют рост и развитие. Вообще продукты питания, выпускаемые химическими фабриками, начинают вытеснять продукты полей и садов...

Как бы то ни было, но в предвидении будущего инженером трогательно его попытка представить общество, в котором труд воспринимается как высшее благо, а самосовершенствование хотя и дало необыкновенные результаты, но не имеет предела.

Личность автора фантастического романа и многих осуществленных и неосуществленных гидротехнических проектов инженера Ивана Терентьевича Благова замечательна. Благодаря своим незаурядным природным способностям, упорству в достижении цели, к тому же не имея могучей поддержки, он смог стать крупным специалистом. Его энергия, наблюдательность, восприимчивость ко всему, что таило в себе передовую мысль, способность интересоваться многим — все эти качества, свойственные одаренным людям, проявились на всем протяжении его жизни и отразились даже в его маленьком дневнике (всего 16 записей), страницы которого дают ценную информацию и для историка, и для этнографа. Они же в сочетании с другими материалами дают нам возможность воссоздать личность русского интеллигента, преданного своей Родине и самозабвенно отдающего ей свои знания, талант и жизнь.

Литература

1. Белоусов В. Г. Литературные хроники. Сергей Есенин. Ч. II. М., 1970.
2. Благов И. Т. В сто восьмом году. Фантастический роман. М., 1925. Рукопись. Хранится у внучки И. Т. Благова — Т. И. Благовой.

3. Б л а г о в И. Т. Дневник (27 июля—29 августа 1922 г.). Рукопись. Хранится у внучки И. Т. Благова — Т. И. Благовой.
4. Б л а г о в И. Т. Краткая автобиография. Рукопись. Хранится у внучки И. Т. Благова — Т. И. Благовой.
5. Б л а г о в И. Т. Письмо к дочери из Берлина от 20 января 1923 г. Хранится у дочери И. Т. Благова — О. И. Благовой.
6. Б о р о з и н е ц Л., К о з ь м и н А. Белорецк. Уфа, 1965.
7. Н и к и ф о р о в П. М. Записки премьера ДВР. М., 1963.
8. «Шанхайская жизнь».